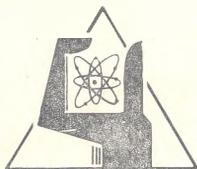

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
УРАЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

НАУЧНЫЕ
ДОКЛАДЫ

В. Д. ВИКТОРОВА, В. Е. КЕМЕРОВ

**НАПРАВЛЕННОСТЬ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА**

Свердловск 1985 г.

Направленность исторической реконструкции как методологическая проблема. Викторова В.Д., Кемеров В.Е. Препринт./Свердловск: УИЦ АН СССР, 1985.

В работе рассматриваются задачи, границы и перспективы развития археологической науки в связи с состоянием, задачами и научным поиском всех исторических дисциплин. Устанавливается основа интеграции исторических наук - философский принцип предметно-практической деятельности. Определяются основные контуры развертывания этого принципа для понимания природы предметно-вещной среды, остатки которой составляют источник археологической науки.

Препринт адресован преподавателям и студентам гуманитарных вузов, научным работникам, интересующимся вопросами методологии исторической науки.

Ответственный редактор -
кандидат исторических наук
Р.Г.Пихоя

Рецензент - кандидат
философских наук Б.Г.Ушаков

И 10601 - 33 (85)
042 (02) 7 В0 - 1985

© УИЦ АН СССР, 1985

В предлагаемом тексте историческая реконструкция рассматривается как теоретическое воспроизведение объекта, в котором разные планы его отображения базируются на интерпретации деятельной связи человеческих индивидов.

Обращение к теоретико-методологическим компонентам исторического познания является выражением растущего самосознания исторической науки, ее повышенным интересом к собственным исходным установкам и естественной претензией на полную суверенность в ряду других научных дисциплин. Однако именно эта тенденция определила, что вопрос о статусе исторического познания и специфике его теоретико-методологической базы не может быть решен "внутри" истории, ибо ее позиция, установки, предметы исследования во многом обусловлены "внешними" связями истории с другими дисциплинами общественнознания и еще более широким кругом обстоятельств.

В этой ситуации особое значение приобретает анализ таких теоретико-методологических проблем, которые выявляют органическую связь "внешней" позиции и "внутренних" установок исторического познания, обнаруживают некое стилевое "парадигматическое" единство исторического мышления на современном этапе и ближайшие перспективы его изменения.

В дискуссиях о методологии исторического познания в качестве неявной предпосылки присутствует образ истории, представленной в общем виде как целостная наука. В реальной практике исторических исследований история осуществляется как весьма дифференцированная совокупность дисциплин с весьма различными предметами и методами исследования¹.

1 А.В.Гулыга, не соглашаясь с И.С.Коном, который определил историю как науку, изучающую процесс развития общества /См.: Философская энциклопедия. М., 1962, т.2, с.268/, указывает на то, что этот процесс изучается всеми гуманитарными дисциплинами. - Гулыга А.В. О предмете исторической науки. - Вопросы философии, 1964, № 4, с.24. Рассматривая это замечание, следует обратить внимание на то, что история в отношении прошлого решает фактически весь тот комплекс задач, который все социально-гуманитарное познание решает в отношении настоящего и будущего. В истории, таким образом, хотя и не всегда в явной форме, присутствует та дифференциация дисциплин, которая отчетливо дана в развернутой форме современного общественнознания. См. также: Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. О соотношении истории, этнографии и социологии. - Советская этнография, 1969, № 3.

В рамках истории как дифференцированной совокупности дисциплин возникают задачи разного рода. Задачи, условно говоря, "первого" рода могут быть решены путем конкретизации /индивидуализации/ общесоциологических представлений об объекте: так обычно ведется исследование материала, когда в общих чертах ясна логика бытия изучаемого явления. Задачи "второго" рода требуют переработки исходных представлений о характере социальных связей, в которые включен объект, требуют рассматривать социальную обусловленность и индивидуальное своеобразие объекта как противоположные характеристики целостного бытия объекта^I.

На первый взгляд кажется очевидным, что задачи "второго" рода составляют незначительную долю в совокупной работе историков, что они в определенной степени даже приходят в противоречие со сложившимся разделением труда в исторической науке. Вместе с тем совершенно несомненна перспективность именно этих задач, ибо они оказываются сильнейшим стимулом для обогащения содержания и формы исторического познания. Однако в контексте методологического анализа даже и не это оказывается главным. Наиболее важным оказывается то, что именно в отношении к этим задачам история может рассматриваться как вполне единая, самостоятельная и суверенная область научного знания. Именно в отношении к ним представление об истории как о чем-то едином и цельном, неявно присутствующее в дискуссиях о её специфике, начинает приобретать осязаемый образ и методологический смысл.

Однако для решения этих задач нужна соответствующая методология. Формы ее мы до сих пор представляем еще недостаточно четко. Не ясен, например, вопрос: а может ли такая методология быть представлена в "готовом виде" до осуществления конкретного, социально-исторического исследования?

^I Разница между задачами "первого" и "второго" рода не так велика, как это может вначале показаться. В задачах "первого" рода в качестве готового знания о социальном выступает то, которое ранее было выявлено в ходе решения задач "второго" рода. Содержательное знание о логике конкретного бытия объекта, перемещаясь в сферу иных задач, на иной уровень исследования, оказывается схемой, охватывающей исследование частей целого или исторических "единиц" меньшего масштаба.

О некоторых принципиальных установках такой методологии речь и пойдет в нашей статье. В ходе анализа ее положений следует, видимо, помнить, что не только история, но и все остальные дисциплины общественнознания ведут последнее время активный методологический поиск, идут к осознанию новых форм своего существования. Поэтому, говоря о нерешенных проблемах методологии истории, наверно не нужно переоценивать стабильности понятий социологии, логики или психологии. Полезнее помнить, что историческое познание лишь своим, хотя и совершенно особым образом, отображает в присущих ему формах те серьезные сдвиги, которые происходят в современной науке и практике.

I. Разделение труда в исторической науке

Археология и этнография возникли вне русла исторической науки на базе своих специфических источников. По мере развития в каждой науке складывались различные методы исследования, своя терминология. Лишь в конце XIX в. началось сближение этих наук с историей.

В настоящее время все большее число исследователей осознает факты и далеко зашедшей дифференциации наук, и настоящей необходимости их интеграции. Рассмотрим с этой точки зрения соотношение двух дисциплин - истории и археологии.

Из дискуссий 50-70-х гг. в археологии, пожалуй, наиболее длительными и бурными были две: о понятии "археологическая культура" и об объекте и предмете археологической науки. Обозначившаяся в ходе дискуссий проблемная ситуация¹ с неизбежностью потребовала от исследователей определения научного статуса археологии. В этом плане анализ объекта и предмета - необходимый этап самопознания любой науки, на котором выясняется что изучает наука, каковы задачи, границы и уровень изучения предметной области. Мы остановим внимание на рассмотрении двух аспектов предмета археологии - ее задачах и границах.

Задачи и содержательные границы науки археологии определялись исследователями соответственно пониманию того, присутствует ли в вещественных остатках историческая информация. Полагая, что ископаемые археологические остатки исторической информации не несут, часть исследователей задачу археологии ви-

¹ См.: Захарук Ю.Н. Проблемные ситуации в археологии. - СА, 1973, № 4.

дит в изучении закономерностей развития этих остатков и отношений между ними. Исторические реконструкции, по их мнению, лежат за пределами собственно археологической науки¹.

Представители иной точки зрения² видят конечную цель археологической науки в реконструкции истории конкретных обществ прошлого и истории различных видов человеческой деятельности. На первый взгляд, в этом случае цели археологии и истории совпадают. Однако вопрос усложняется при определении временных границ археологической науки, особенно при ее соотнесении с историей первобытного общества. Некоторые исследователи определяют действия археологии как самостоятельной науки в пределах первобытной формации, считая, что нет принципиального различия между первобытной археологией и историей первобытного общества³. А.Н.Рогачев, придерживаясь подобной точки зрения в отношении археологии периода первобытности, полагает, что для истории рабовладельческой и феодальной формации археология приобретает значение вспомогательной науки⁴.

Ряд ведущих исследователей видит в археологии самостоятельную историческую дисциплину, необходимую при реконструкции истории первобытного, рабовладельческого и феодального обществ⁵. Философ Борзя В.М. границы ее действия как самостоятельной науки доводит до современности⁶.

Пока археологи и философы спорят, определяя статус архео-

1 Григорьев Г.П. О предмете археологии. - В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. Ташкент, 1973.

2 Захарук Ю.Н. Спорные вопросы объекта и предмета археологии. - КСИА, вып.152. М., 1978.

3 Аникович М.В. Первобытная археология - конкретная историческая наука. - В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1976.

4 Рогачев А.Н. О предмете и методе первобытной археологии. - КСИА, вып.152. М., 1978, с.22.

5 Захарук Ю.Н. Историзм: проблемы археологии и этнографии. - В кн.: Конференция "Историзм археологии: методологические проблемы. М., 1976, с.8.

6 Борзя В.М. Природа археологического источника и объект археологии как науки. - В кн.: Предмет и объект археологии..., с.11.

логи, реальная ситуация такова: как известно, единого труда по истории конкретных исторических общностей эпохи первобытности, который охватил бы всю территорию нашей страны, пока не написано, а при попытках создания истории конкретных регионов /Урала, Западной и Восточной Сибири и др./ стыковать материалы письменной истории, этнографии и археологии крайне сложно и по содержанию, и по логике, и по терминологии. При этом, чем глубже в древность, тем беднее и менее достоверны письменные свидетельства, особенно по истории народов, которые до установления советской власти не имели своей письменности /например, манси и ханты/. Чем глубже в древность, тем ограниченнее возможности и этнографии, ибо нижняя граница жизнеописания конкретных народов на территории нашей страны задана тем общественно-экономическим и культурным уровнем, на котором эти народы находились в XIII-XIX вв. И оказывается, что реконструкция истории народов конкретных регионов нашей страны для эпохи первобытности может быть осуществлена преимущественно по материалам археологии с неизменным использованием данных этнографии, антропологии, лингвистики, палеозоологии и палеоботаники. То есть задачи археологии действительно совпадают с задачами конкретной истории первобытного общества. Чтобы понять место археологии в воссоздании истории последующих формаций, необходимо осмысление как возможностей, так и границ исторических реконструкций средствами каждой науки - и археологии, и письменной истории.

Историки по письменным источникам описывают конкретно-историческую общность и ее специфику по формационно-социологической схеме: особенности развития экономики, характер общественных отношений, социальная структура и социальная организация, культура. Возможности археологов в воспроизведении истории первобытного общества по этой схеме ограничены.

Выстраивая свой материал, археолог прежде всего, опираясь на данные естественных наук, пробует реконструировать природную среду обитания конкретно-исторической общности. При воссоздании уровня и характера развития экономики, при определении типа хозяйства возможности археолога также достаточно широки: морфологический и трассологический анализ орудий и производственных отходов их изготовления из мастерских и производственных площадок, остатки продукции бытового назначения, остатки переработанных результатов охоты, рыболовства, ското-

водства, земледелия на поселениях, следы строительной деятельности и т.д. Опыт палеоэкономического моделирования последних лет открывает перспективы воссоздания некоторых демографических характеристик древних обществ¹.

Сложнее дело обстоит при реконструкции общественных отношений и социальной организации конкретных обществ эпохи первобытности. Они либо носят очень общий характер, либо вообще отсутствуют в археологических публикациях. При описании культуры археологи основные акценты делают на воспроизводство духовных представлений конкретных обществ, или на обоснование их культурно-этнической специфики.

Письменные источники чаще всего без особого труда позволяют фиксировать наличие и изменение временных и пространственных границ конкретно-исторических общностей. Археологам представляется весьма сложным отграничить конкретно-историческую общность в пространственном и временном отношении. Именно в этом пункте прилагается масса усилий и работает вся специфическая терминология: археологическая культура, комплекс, тип, могильники, поселения, керамика, орнамент, его элементы и т.д.

Логика исторического процесса раскрывается через хронологическое следование исторических событий данной общности. Общественно-значимые события: социальные движения и перевороты, войны, реформы по письменным источникам имеют личностную окраску. Особенность археологических источников состоит в том, что они не позволяют судить об отдельных исторических событиях и об историческом процессе как последовательности таких событий. По ним скорее можно определить изменения в предметной среде человека, в образе жизни конкретной общности. Они свидетельствуют об общем уровне развития человеческих сил на определенном этапе, но по ним трудно воспроизвести непосредственно личностные формы в развитии этих сил.

Трудности в интерпретации этих источников усугубляются тем, что они плохо стыкуются с источниками письменными. Эти два рода источников отображают различные пласты исторической реальности, разведенные как логикой их различного состояния после выпадения из исторического процесса, так и различной логикой развития изучающих их исторических дисциплин.

¹ Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ, М., 1976, гл.5.

Выше описано положение дел "внутри" исторического познания. Оживление методологической дискуссии вызвано несогласованностью в отношениях между историческими дисциплинами. Возникшие трудности во многом обусловлены тем, что дискуссии ограничиваются внутренними методологическими делами исторического познания. При таком "цеховом" подходе природа многих методологических затруднений просто не может получить достаточного освещения.

Мы не можем здесь разбирать ни вопрос о социальной детерминации познания в целом¹, ни вопрос о социальной обусловленности исторического познания и его современной методологической оснащенности. Для размеров и целей данной статьи несоблюдимым и достаточным будет рассмотрение вопроса об обусловленности исторического познания его взаимоотношениями с другими общественными науками. Заметим сразу, речь идет не о схеме, ригидной позиции истории и ее взаимоотношение с другими дисциплинами, а с той реальностью разделения труда в общественности, которая не только направляет усилия исследователей по разным направлениям, но и влияет на их методологические установки и пристрастия.

Историческое познание, обращаясь к объективному научно-теоретическому истолкованию явлений и событий человеческой истории, стремится опереться на те представления о законах и механизмах социальной жизни, которые анализируются и формируются прежде всего в сфере социологии. Это стремление является вполне оправданным, его правомерность в последнее время признают не только историки-марксисты, но и представители немарксистской исторической науки². Однако сложность заключается в использовании тех представлений о специфике социального, о социальных законах, которые имеются в распоряжении социологии для воспроизведения конкретности индивидуальных, неповторимых исторических явлений, стадий и состояний социального процесса. "Только выявляя существенные черты в исторических явлениях, - пишет П.Н. Федосеев и Г.П. Францов, - можно ставить и решать вопрос о повторяемости, о воспроизведении в новых исторических условиях уже известных в прошлом тенденций, ситуаций, соотношений классовых сил, маневров и приемов борьбы этих

¹ См.: Социальная природа познания. М., 1979.

² Сестан Э. История событий и история структур. М., 1970;
Дюбек А. История на перекрестке гуманитарных наук. М., 1970.

сил"¹. Сходное по смыслу соображение высказывает и И.С.Кон: "...историзм в его марксистском понимании не ограничивается указанием на закономерности процесса развития в целом, он ориентируется на конкретное изучение особенностей каждого данного явления, его собственных фаз и состояний"².

Вопрос об использовании представлений о закономерных связях социальной действительности в историческом исследовании конкретно-индивидуальных явлений общественной жизни в значительной степени определяет перспективу развития исторической науки: быть ли ей эмпирической дисциплиной, зависимой от теоретического базиса других наук об обществе, социологии, в первую голову, или быть ей суверенной областью научного знания об обществе и человеке, обладающей собственной логико-теоретической основой.

Судя по оживившейся в последнее время дискуссии о гносеологических и логико-методологических основаниях исторического познания, перспектива его теоретизации представляется более необходимой. В связи с этим насущным становится вопрос о "реконструкции" с помощью научно-теоретических средств объекта исторического познания³. Такая реконструкция, естественно, не может ограничиться использованием имеющихся в наличии представлений о социальных законах⁴. В ней воспроизводится в теоретическом мышлении становление, функционирование, развитие данно-

¹ Федосеев П.Н., Францов Г.П. *О разработке методологических вопросов истории*. - В кн.: *История и социология*. М. 1960.

² Кон И.С. *История и социология*. - *Вопросы философии*, 1970, № 8, с. 79.

³ См.: Уваров А.И. *Гносеологический анализ теории в исторической науке*. Калинин, 1973.

⁴ Бояль "социологизации", неоднократно высказывавшаяся историками, связана главным образом с трактовкой социальности, социального закона как общего, противостоящего индивидуальности исторических явлений. Именно переосмысление этого противостояния стоит на пути более тесного сотрудничества или, во всяком случае, компромасса между социологией и историей. /См.: Попадопулос Т. *Метод социальных наук в исторических исследованиях*. М., 1970/. Здесь возникает та же логико-методологическая трудность, что и в отношениях психологии и социологии.

го явления социально-исторической действительности в его конкретной особенности и индивидуальности. Таким образом, открывается возможность для органического соединения приемов теоретического исследования и воспроизведения явления социальной действительности в его неповторимой особенности и конкретной индивидуальности.

На пути реализации этой возможности лежит много трудностей. Это, во-первых, переосмысление взаимосвязи социального и индивидуального, направленное на выявление имманентной социальности индивидуальных явлений общественной жизни, а главное - на отработку логико-теоретических средств воспроизведения в мышлении этой стороны социальности. Во-вторых, это переосмысление логической функции социального /проявляющейся обычно в его отношении к трактовке индивидуального/ как общего /всеобщего/, а в связи с этим и переоценка логической функции в историческом исследовании категорий общего, универсального, повторяющегося¹.

То, что мы характеризовали как логико-методологическую проблему взаимосвязи общего, особенного, единичного, социального и индивидуального в ином плане выступает как проблема интеграции теоретико-методологических средств социологии и проблемно-содержательного материала истории. Эта проблема обычно возникает и решается следующим образом. Историк занимается тем, чего не делает социолог, а социолог устремляет свои интересы к тому, до чего обычно историку нет дела. Когда же все-таки возникает необходимость соединить исторические данные и социологические модели, историк берет как данность конструкции, ранее созданные социологом, а социолог использует как непреложную фактическую данность упорядоченный историком материал, чтобы подкрепить ранее добытые социологические построения. Такого рода способ интеграции двух областей знания может быть определен как способ взаимной дополнителности, этим выражением подчеркивается и вынужденность интеграции и ее неорганичность.

Заметим также, что эта ситуация обусловлена и выражена не только отношениями социологии и истории, она дает о себе знать

¹ "Очевидно, что наша эпоха - живая история - требует конкретного пересмотра содержания понятия универсальности". - Элекеш. Историческое познание - общественное познание. М., 1970, с.7.

во взаимосвязях всех дисциплин обществознания¹. Для нашего изложения уместно будет вспомнить, что между социологией и психологией тоже до сих пор отношения складываются в основном по принципу взаимной дополнителности: социология концентрирует внимание на законах и структурах, психология — на людях и их непосредственно индивидуальных проявлениях². В результате, когда появляется потребность воссоединить социальные структуры и людей в некоем теоретическом образе, оказывается, что сделать это почти невозможно. Обезличенные структуры не стыкуются с динамикой психической жизни человеческих индивидов.

Если представить социальную реальность сквозь призму разделения труда между историей, социологией и психологией /не беря в расчет другие, еще более осложняющие дело, связи/, образуется довольно странная картина. Социальная реальность предстает как совокупность трех /в данном представлении/ компонентов: следов человеческой жизни, структур деятельности и самих людей как носителей сознания. Отметим: предметность, в которой воплощены следы человеческой жизни, практически оторгнута от непосредственно личностного и деятельного характера этой жизни, структуры обезличены, а люди предстают не как предметные и деятельные существа, а как носители сознания.

Было бы наивно предполагать, что эта ситуация взаимной дополнителности дисциплин обществознания не отразилась на внутреннем строе исторического познания. Напрстив, более или менее внимательный анализ без особого труда обнаружит, хотя и не прямые, но весьма ощутимые ее последствия. Они проявляются, например, в достаточно жестком разделении истории на дисциплины, изучающие вещественные следы /археология/, письменные источники /то, что часто именуют собственно историей/, быт и нравы людей /этнография/. Дело не в том, что мы не можем обнаружить прямые соответствия в отношениях дисциплин обществознания и дисциплин, разделяющих историю и объединяющихся в ней. Дело в том, что и "внутри" истории явно или скрыто действует взаимная дополнителность предметов и методов, в результате

¹ В буржуазном ~~обществе~~ обществознании она доведена до критического предела. — См.: Кемеров В.Е. Проблема интеграции социального познания. — Вопросы философии, 1977, № 4.

² См. об этом подробнее: Кемеров В.Е. Психология, обществознание и проблема личности. — Психологический журнал, 1982, № 3.

чего предметное содержание человеческой жизни, социальные формы связи и деятельности людей, непосредственно личностная самореализация человеческих индивидов оказываются изначально отделенными друг от друга и затем уже практически не могут совместиться в одной и той же научной картине общественно-исторического процесса. Создание дополнительных, частных, промежуточных, гибридных дисциплин и теорий типа исторической социологии, исторической психологии и т.п. не решает дела в принципе, ибо их назначение - прикрыть разрывы в картине исторического процесса, представляемой с точки зрения разделения труда, а не с точки зрения самой истории. Цельность исторического познания достигается не в рамках разделения труда, а через преодоление этого разделения, через рассмотрение самого этого разделения как одного из этапов в развитии общественной практики и теории. Понимание исторического познания как "исторического продукта", принимающего "в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание"^I необходимо связано с представлением истории как истории людей, с пониманием ее как процесса и результата их деятельности.

2. Вернуть людей в историю, вернуть историю людям

Тяга людей к истории укоренена в необходимости скреплять временем жизнь поколений, сохранять и продуктивно изменять формы человеческого опыта. В фольклоре, сказаниях, эпосе закреплялась традиция, которая не только выражала социальные связи, но и сама была социальной связью, служила нормой человеческого поведению. Пока тенденции к сохранению структур человеческой деятельности и связей оказываются сильнее тенденций к изменению этих структур, прошлое и настоящее не разделяются. Когда преобразовательный характер деятельности людей становится заметнее, события общественной жизни все более приобретают значение разрывов и рубежей в воспроизведении социальных связей. Это ведет к переживанию утраты предшествующего опыта, к необходимости его осознанного воспроизведения и преобразования, а вместе с тем и к зачаткам идей о неповторимости человеческого бытия, к историческому сознанию и исторической памяти.

С появлением письменности история все более осмысливается

I Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.20, с.366,

как наставница жизни, не просто прорицающая закон человеческого общежития, но сознающая путь народа, запоминающая этот путь и побуждающая к разумному выбору действия.

С началом Нового времени возрастает вера в просветительскую миссию истории. Предполагается, что рациональное освещение прошлого послужит не только назиданием обществу, народу, государю и государству, но и сделает прозрачным будущее, поможет избежать заблуждений в ходе усовершенствования быта и нравов народа¹. Это же время дало импульс романтическому истолкованию истории, которое устремлялось не на поиски общего закона, а на выявление неповторимо индивидуального содержания жизни народа, общности и человеческой личности². Однако при всех своих достижениях и прозрениях история Нового времени не сумела решить /и, собственно, даже четко поставить/ вопрос о том, кто делает историю, как делается история, что делается в истории?

Со всей остротой этот вопрос был осознан марксизмом в свете практических и теоретических задач, которые были связаны

1 При всем внешнем несоответствии спиритуализму средневековья такой рационализм сохранял с ним скрытое родство, ибо также обнаруживал социальную связь между людьми в сфере духовной, не принимая, естественно, во внимание, что такое воззрение базировалось на сохранении непосредственно личной зависимости человека от человека. - См.: Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965.

2 См.: Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л., 1976, с.92-96. Автор считает, что такая установка романтизма имела весьма серьезные последствия для культуры мышления. "Отсюда же и самое важное открытие романтизма - историзм, историческая точка зрения. Это открытие не только оказало огромное влияние на все дальнейшее развитие гуманитарных наук, но и остается до сих пор актуальным. Ибо распространение исторической точки зрения на все области гуманитарного знания еще не завершилось. - Там же, с.96.

Связь индивидуального и неповторимого /с логической точки зрения не совпадающих, но отождествляемых в повседневном сознании/ впервые, видимо, была осмыслена христианской историографией. В частности, это было сделано Августином Аврелием в его трактате "О граде божием".

прежде всего с преобразованием буржуазных общественных отношений. Знание истории приобретало все более осязаемое мировоззренческое значение, но оно не могло реализовать это значение, оставаясь в своем прежнем виде и составе. Ретроспективная ориентация, оглядка на прошлое как на средство приобщения к опыту, традиции и закону противоречили потребности в знании реальных предпосылок и условий "живой" деятельности людей, сохраняли представления об истории, стоящей над людьми.

"История не делает ничего..." история" не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей, история не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека"¹. Отказ от трактовки истории как особой внечеловеческой силы /в каком бы философском облики она ни представала/, мог быть продуктивным только за счет реализации широкой теоретической программы истолкования людей как субъектов истории, программы, учитывающей не только прошлое /с его обобщениями/ и наличное бытие, но и перспективы преобразования этого бытия. Такого рода программа не могла уже удовлетвориться даже и признанием законов истории, ибо нуждалась в понимании того, как возникают, функционируют, меняются законы в самой деятельности людей и ее условиях.

Таким образом, четко обозначается тенденция перехода от прежнего историзма /вырождающегося в эволюционизм/ к конкретному историзму, наиболее ярким, - но, подчеркнем, вовсе не единственным, - образцом которого является выработка понятия общественно-экономической формации. Развитие конкретного историзма применительно прежде всего к познанию самой истории потребовало разработки целой системы теоретических моделей, представляющих конкретные способы деятельности и взаимообусловленного развития людей. Для того, чтобы не упустить живой реальности связей и деятельностей людей, истории необходимо было преодолевать путь от видимости /поведения, вещных и знаково-символических следов этого поведения/ к этой реальности, воспроизводить ее в своей научной картине. Иными словами, для того, чтобы быть конкретной и "человеческой", истории необходимо было стать теоретической дисциплиной.

Об этом приходится говорить сейчас по разным поводам. Отметим важнейший. В настоящее время обществознание практически

и теоретически оказывается все более сориентировано на исследование образа жизни. Суть этой ориентации в том, что не просто вводятся новые термины и понятия, - меняется видение социальной реальности. Формируется воззрение, в котором все подсистемы и компоненты общества рассматриваются через призму образа жизни людей, как условия, средства, воплощения их деятельности и развития. Этот теоретико-методологический поворот диктуется сдвигами в практике общества и, прежде всего, в характере изменений социалистических общественных отношений. Совершенствование последних все более зависит от личностного развития сил и способностей людей, все более проявляется в характере и содержании их самореализации. Индивидуальное развитие людей все более обнаруживает свое влияние на все сферы жизни общества, все более раскрывает свое социальное значение. Экономическое и культурное богатство общества не актуализируется само по себе, вне отношений к развитию людей, именно воплощенность этого богатства в их деятельных способностях знаменует собой действительную силу общества.

В этой ситуации оказывается особенно важным исследование того, как люди реализуют "механизмы" социального взаимодействия и деятельности. Иначе говоря, первостепенный интерес представляет не то, как люди адаптируются к существующим уже социальным и культурным формам, а то, как они обеспечивают функционирование и изменение этих форм, как влияют на их преобразование и развитие.

Еще полтора десятилетия назад известный фантаст С. Лем писал: "Ускорение темпов научно-технического развития стало столь очевидным, что не нужно быть специалистом, чтобы его заметить. Я полагал, что быстрое изменение жизненных условий, вызванное этим ускорением, служит одним из факторов, отрицательно влияющих на формирование гомеостатической системы обычаев и норм в современном мире. Какие уроки и наставления может дать молодежи многоопытная старость, если весь комплекс жизни следующего поколения ничем не напоминает образ жизни родителей"¹?

Что же, - ответим вопросом на вопрос, - утрачивается историческая связь времен и поколений, человеческое сознание теряет свою историчность, которая в значительной мере определяла и его социальность?..

¹ Лем С. Сумма технологий. М., 1968, с. 26.

По-видимому, нет. Меняется характер историчности человеческого сознания. В нем все более акцентируется историко-творческая ориентация; дело всеобщего исторического творчества и творческие аспекты самореализации отдельных человеческих индивидов сближаются не только в отдаленной перспективе, но и в самих насущных практических проблемах бытия общества¹.

Все это, конечно, не может не сказаться и на современном истолковании исторического познания. Оно, очевидно, должно все больше внимания уделять тому, как в деятельности людей осуществлялись те изменения, сдвиги, переходы², которые ранее представлялись делом то ли сверхъестественного установления, то ли стихийной эволюции, то ли анонимных общественно-экономических сил или социально-культурных форм.

Причем эта ориентация имеет значение для исследования не только "верхних" слоев человеческой истории, но и для реконструкции ее "глубин". Без теоретического воспроизведения форм взаимообусловленной деятельности человеческих индивидов и их самореализации в принципе невозможно конкретизировать представления о социальной форме материального развития, вопросы происхождения общественных отношений, труда, культуры, сознания и т.д.

Конечно, в связи с рассмотрением такой теоретико-методологической ориентации могут быть высказаны опасения по поводу возможной модернизации прошлого, редукции его к понятиям, проблемам и ценностям злободневной реальности. Не исключая этих возможностей, все-таки надо подчеркнуть: точка зрения настоящего и будущего должна приноситься в историческое познание не для подмены реконструкции и объяснения прошлого из его собственных условий, проблем и движущих сил, а как предпосылка для исследования "механизмов" воспроизводства и развития, углубляющих наши прежние представления о динамике прошлого. В настоящее время было бы наивно предполагать, что историк может за-

¹ См. подробнее: Кемеров В.Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977, гл. III.

² А.Ф. Лосев, между прочим, пишет: "Обратим внимание на то, что история есть прежде всего определенного рода действительность, осуществленность и реальное стремление живой общественной действительности переходить от одного момента к другому". - Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977, с. 28. См. также: Ерофеев Н.А. Что такое история. М., 1976, с. 48.

нять некую привилегированную, абсолютно объективную позицию, которая позволит ему полностью отрешиться от своего человеческого деятельного отношения к исследуемой предметности¹. Напротив, нежелание считаться со своей деятельной включенностью в общественный процесс, прикрываемое полуинтуитивными суждениями о "естественном" взгляде на вещи, о здравом смысле, может значительно сильнее вредить объективно-научному воспроизведению исторической реальности. Когда же ученый осмысленно и четко определяет границы и возможности своего исследования, учитывает различные, детерминирующие его факторы, он в значительной степени предохранен и от предвзятости и от слепого привнесения своей эпохи в интерпретацию опыта и культуры иной человеческой общности.

"Главный недостаток всего предшествующего материализма - включая и феербаховский - заключается в том, что предмет, действительность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно"². Это положение К.Маркса - в контексте анализируемой ситуации - приводит, как минимум, к трем важнейшим выводам.

1. Построение научной картины исторической реальности необходимо доводить до интерпретации действительности как деятельности людей, процесса реализации и воплощения их жизни.

2. Построение исследования необходимо рассматривать как особого рода деятельность, не безразличную историческому процессу, но явно или скрыто выражающую тенденции этого процесса, и спосредованно опирающуюся на эти тенденции в своих попытках наиболее полного конкретно-теоретического освещения прошлого.

3. Принятие двух первых выводов неизбежно влечет третий: изменяя свое отношение к объекту исследования, историк не может не изменять своего отношения к методологическим принципам своей деятельности. Его специфическая - во всех отношениях историческая - миссия в качестве субъекта общественного процесса как раз и заключается в переосмысливании и развитии приемов интерпретации истории, в оживлении научной картины прошлого

1 Такого рода иллюзия имела историческое оправдание для естествознания ХVII-ХVIII вв. Но в ХХ в. и в естествознании она все более утрачивает свою почву.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.3, с.1.

представлениями о деятельности людей, в наполнении актуальной теории и практики смыслом человеческого творчества. Такая методологическая перспектива, очевидно, не может оставить незамеченными традиционные связи истории с другими дисциплинами общественности. Не может она не сказаться и на принципиальных установках самого исторического познания.

3. Принцип деятельности в социально-историческом исследовании

Взаимная дополнительность таких наук как археология и этнография проявляется как все более глубокое изучение этнографами проблем первобытности и археологией и наоборот¹, как совместные поиски этнографами и археологами правил соотношения двух различных пластов исторической реальности и двух разных понятийных систем².

Попытки снятия ситуации дополнительности оборачиваются прорывами в другие науки и использованием при интерпретации разных источников более общих понятий - терминов культурологии, психологии, биологии, системного подхода и т.д. В этом отношении показательны дискуссии Круглого стола журнала "Советская этнография" и методологического семинара ЛОИА по проблеме культурной традиции в 1981-1982 гг. В центре дискуссии оказался предложенный Э.С.Маркаряном и его школой узел понятий, раскрывающий традицию в терминах культурологии и обсуждение возможностей использования этих понятий в этнографии и археологии.

Что привлекло ученых различных наук к такой постановке вопроса? Во-первых, возможность приобрести единую, теоретически обоснованную платформу для объяснения конкретного материала разных наук. Во-вторых, надежда выхода с теоретического на операциональный уровень исследования через понятия локальной традиции, состава традиций, элементов культуры. В-третьих, наличие концептуальной схемы, построенной на весьма распространенных в современной общенаучной и философской литературе категориях "система" и "деятельность".

1 См.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

2 Кабо В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности. - В кн.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.

Некоторые археологи и этнографы попытались работать в предложенной схеме и терминах¹. Анализ этой работы позволяет утверждать, что на данной культурологической основе главная задача археолога - выход на уровень воссоздания истории конкретной общности, реконструкция жизнедеятельности реального человека прошлого, - осталась далека от решения. В чем причина?

В концепции культуры и культурной традиции Э.С.Маркаряна нет места живому конкретному человеку, в ней нет места и предметно-вещной среде. И это не случайные упущения, а результат исходных философских позиций - понимания автором деятельности и деятельной сущности человека. Деятельность рассматривается как жизненное проявление биологической и общественной систем, целевой установкой которых является самосохранение².

Известно, что сегодня почти у всех философов в основу понимания культуры и в фундамент культурологии как самостоятельного направления обществознания положен принцип деятельности³. Но известно также, что единой культурологической концепции в современной советской литературе нет. Причина - различные представления авторов о деятельностном принципе.

Мы также видим в деятельностном подходе концептуальную основу обществознания в целом и конкретных исторических наук в частности. Но считаем, что само понятие деятельности, прежде чем выступить в форме ориентирующего и объяснительного принципа, должно быть в достаточной мере прояснено.

х х х

В.И.Ленин писал: "Исследуя действительные общественные отношения и их действительное развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей"⁴. Этот важнейший тезис марксизма, принимаемый иногда как положение, не требующее обо-

¹ См. дискуссию в журнале "Советская этнография", 1981, № 2, 3, 4; Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981.

² Маркарян Э.С. О значении междисциплинарного обсуждения проблем культурной традиции. - СЭ, 1981, № 3, с.65-66.

³ См.: Давидович В.Е., Жданов Д.А. Сущность культуры. Ростов, 1979; Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М., 1980; Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974; Межуев В.М. Культура и история. М., 1977.

⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.1, с.388.

снований и конкретизации, указывает по сути на ряд кардинальных проблем общественознания. Отметим здесь прежде всего взаимосвязь толкования общественных отношений и деятельности людей, а также указание на то, что глубина понимания этой взаимосвязи зависит от степени проникновения в сущность общественных отношений, от степени понимания их деятельной природы.

Этот тезис сродни тезису Маркса о том, что научно-теоретическое исследование общества начинается с реальных индивидов. Дальнейшая трактовка этих тезисов зависит от того, предполагается ли известной деятельность общественных индивидов или же ее следует рассмотреть на основе соответствующего теоретического исследования.

В нашей литературе часто понятие деятельности употребляется как интуитивно ясное¹, вместе с тем нередки случаи его употребления в том же значении, в каком употребляются понятия "социального действия" или "поведения". В данном случае установление четких терминологических разграничений является необходимым и для уточнения понятий и для выделения того аспекта марксистско-ленинского понятия деятельности, которое указывает на его специфическое отличие, на его специфическую теоретико-методологическую установку и объяснительные возможности в сравнениях с близкими по смыслу или по терминологии понятиями.

Нам представляется важным /и вместе с тем достаточным/ сопоставить понятие деятельности /в его марксовской интерпретации/ с понятиями "поведения" и "социального действия", распространенными в современной социологии и социальной антропологии.

Слово "поведение" в функции особого термина как обозначение объяснительного принципа наиболее широко было использовано бихевиористской психологией /отсюда и название этого направления/. В понятии поведения выделены те стороны деятельности индивидов, которые могут быть описаны наблюдателем без обращения к "интерпретации" скрытых от него детерминант деятельности. Пользуясь пока интуитивным пониманием дея-

¹ В последнее время был предпринят ряд попыток углубить представления о человеческой деятельности. - См. например: Ба-тищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип. - В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1969; Юдин Э.Г. Деятельность и системность. - СИ. М., 1977.

тельности, можно сказать, что в понятии поведения описывается в н е ш н и й аспект деятельности индивидов, их взаимодействия с какими-либо условиями и друг с другом; люди рассматриваются как особые вещи, непосредственно данные для эмпирического описания в их перемещениях и взаимодействиях.

Понятие "социального" действия с одной стороны противостоит понятию поведения, с другой стороны является его углублением. Понятие "социального" действия выделяет из всей совокупности поведений то, которое субъективно ориентировано на других людей. Под внешним, непосредственно данным поведением обнаруживается более глубокий слой, подлежащий описанию, усматривающему с у б ъ е к т и в н о - п с и х о л о г и ч е с к и й п л а н поведения индивида и, соответственно, обнаруживающему или предполагающему некий смысл действия, не фиксируемый в непосредственном описании индивидов. Иначе говоря, здесь деятельность людей фиксируется как бы в двух планах: в плане ее внешнего обнаружения /и соответствующего описания/ и в плане усмотрения ее внутренних мотиваций. Таким образом, здесь явно или скрыто фиксируется "двойственный" характер человеческой деятельности и соответствующая установка на "двойственное" ее описание или на комбинацию в теории /на основе дополнительности или по принципу сочетания разных уровней анализа/ этих двух планов интерпретации деятельности, а следовательно, и взаимодействия между людьми.

Марксово понятие деятельности принципиально отличается от этих понятий "поведения" и "социального" действия. Оно не снимает необходимости теоретического описания тех аспектов бытия человеческих индивидов, на которые обращены понятия "поведение" и "социальное действие". Оно включает в свое объяснение эти аспекты в том смысле, что дает основу для их более глубокого и конкретно-содержательного истолкования, создает предпосылки для более глубокого понимания "двойственности" человеческой деятельности /которая обнаруживается в сочетании этих аспектов/, выявляет общественно-историческую специфику тех условий, которые стимулировали именно т а к о е понимание "двойственности" человеческой деятельности.

Попытаемся, оставив вне нашего рассмотрения черты сходства марксово концепции деятельности с другими концепциями, вынести то, что составляет принципиальную новизну этой концеп-

ции, то, что способствовало открытию новой точки зрения на специфику социального, новых горизонтов в описании социальных связей.

Принципиальное отличие марксовской трактовки деятельности состоит в том, что она в бытии людей выделяет как особенный момент их практическое, материально-предметное отношение к природе и друг к другу и с самим себе. Деятельность прежде всего понимается как производство и воспроизводство материально-предметных условий бытия человеческих индивидов и самих человеческих индивидов как предметных существ.

В "Экономическо-философских рукописях 1844 г." К.Маркс писал: "Именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родовое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь"¹. К.Маркс впоследствии постоянно развивает этот тезис, конкретизирует и варьирует его, выявляя с его помощью новые грани действительности, новые возможности социально-философского анализа. Истолкование деятельности как предметной является в марксовском анализе общества одним из самых существенных пунктов, ибо на основе этого истолкования оказывается возможным установить, что "предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку"². Понимание материальной, - осуществляемой в процессе деятельности, - социальной связи оказывается чрезвычайно важным для характеристики развития и функционирования конкретной совокупности общественных отношений. Именно по поводу тезиса о предметно-деятельном обосновании взаимосвязи человеческих индивидов В.И.Ленин говорит: "Маркс подходит к основной идее своей "системы", *sit venia verbo* - именно к идее общественных отношений производства"³.

В предметном содержании деятельности, в ее условиях, средствах и воплощениях скрыто или явно присутствует социальная связь. Она закрепляется и, независимо от того, сознают это люди или нет, осуществляется через предметы деятельности. Уста-

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.42, с.94.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.2, с.47.

3 Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.29, с.15.

новление этого открывает широкую перспективу для анализа движения социальных связей, однако при одном важном условии, что предметность человеческой деятельности не отождествляется целиком с изолированными от деятельности вещами, но понимается прежде всего как устойчивые, "отвердевшие" моменты процесса деятельности. Другим важным условием является понимание самих людей как предметных субъектов /и потому - носителей/ этого процесса¹.

С другой стороны, деятельность общественных индивидов именно в той мере, в какой она оказывается предметной, выступает как непосредственно и опосредованно общественный процесс, т.е. как процесс развития общественно обусловленных человеческих сил и способностей, а также предметно-деятельной связи между людьми. К.Маркс писал: "Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство"².

С этой точки зрения, малопродуктивным является взгляд, согласно которому деятельность и социальная связь как бы "пристраиваются" друг к другу. Они в н у т р е н н е взаимообусловлены, и их "узлом", предметно-содержательным воплощением являются прежде всего и в конечном счете сами человеческие индивиды. Слабая выраженность этого взаимообуславливания в жизни людей свидетельствует главным образом об антагонизмах развития человеческого общества. Разделение и противопоставление деятельности и социальной связи реально имеет место в общественной истории и наиболее резко проявляется в капиталистическом обществе. Однако противопоставление "беспредметного", внедеятельностного общения и обезчеловеченной, прагматической деятельности является определенным историческим результатом и должно рассматриваться как специфическая черта исторически определенного общества, но не может служить отправным пунктом для истолкования сути деятельного обуславливания социальных связей развития человеческих сил и способностей.

Деятельное отношение человека к предмету включает в себя прямо /как потребность и как цель/ или косвенно /как предметное

¹ Подробнее об этом см.: Кемеров В.Е. Проблема личности..., с.66-III.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.6, с.44I.

взаимообуславливание человеческих жизней/ социальную связь, отношение к другим людям. Благодаря предметности своей деятельности человек начинает относиться и к себе самому как к предметному существу, как к другому. Осознание человеком себя как предметного существа неявно включает связь человека с другими людьми, ибо человек как предметное существо /а не только и не столько как осознания/ предметно переживает свою зависимость от других людей¹.

Отношение человека к другому человеку, к другим людям предполагает и отношение к предметностям человеческой деятельности, а через них - и к природе. Благодаря тому, что отношения между людьми складываются и развиваются как предметно-деятельные, человек открывает для себя других людей через движение /изменение/ условий, средств, результатов совместной человеческой деятельности. В процессе формирования своих сил и способностей он начинает относиться и к себе самому как к предметному существу о с о б о г о рода, как к человеческому существу.

К. Маркс использует понимание предметно-деятельного обуславливания людьми друг друга в различных характеристиках жизни человеческих индивидов в обществе². Однако он постоянно возвращается к исходному представлению, согласно которому предметная /в особенности - трудовая/ деятельность людей выражает: 1 - отношение человека к другим людям; 2 - отношение человека к предмету; 3 - отношение человека к самому себе. Это триединство отношений, раскрывающееся в теоретическом осмыслении предметной деятельности, позволяет приблизиться к пониманию и других аспектов человеческой жизни, к сложнейшим переплетениям духовно-практической направленности человека и духовно-теоретического отражения им действительности, позволяет снять противоположность в истолковании внешнего и внутреннего мира че-

1 Предметная обусловленность жизни человека непосредственно дана в сознании как предмет, как предмет потребности, например. Но она обычно не осознается как социальная связь, как зависимость от деятельности других людей, а через них - и от общества в целом. Предмет своей непосредственно чувственной, вещественной формой как бы заслоняет тот процесс, в котором он существует, скрывает социальную связь, которую несет в себе.

2 См. например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 112-113, 226, 448.

ловека, понять человеческую внутреннюю жизнь как постоянное становление культуры /и связанной с нею природы/ в живых формах человеческих сил и способностей.

Представление о труде как "положительной творческой деятельности"¹, как пути и перспективы общественной истории прямо или косвенно включается К.Марксом в оценку конкретных социальных обстоятельств. Это представление, в частности, является одной из важнейших предпосылок и одним из важнейших результатов осуществленной К.Марксом критики буржуазного общества.

Итак, марксово понимание деятельности в совершенно новом свете представило социальную связь как объективно-материальный, предметно-деятельный процесс взаимодействия, взаимообусловленности и самоизменения человеческих индивидов в обществе.

Используя традиционную аналогию социальной жизни и театра, можно представить следующую картину. Непосредственное наблюдение описывает поведение людей и их взаимодействие - это первый слой представления и описания социальной реальности, в котором собственно специфика "социальности" выражена весьма слабо или вообще не выражена. Второй слой "вскрывается" усмотрением мотиваций поведения людей, их ориентацией друг на друга. Сопоставление этих двух уровней человеческой деятельности фактически и является одной из главных проблем буржуазного обществознания.

Однако существует еще один уровень анализа человеческой деятельности, который указывает на объективно-материальные стороны социально-исторического процесса. Анализ этих сторон выявляет не только то, как люди ведут себя, не только то, как и е субъективные основания они выбирают для тех или иных поступков, но и то, как и почему становятся возможным те или иные формы поведения и мотивации, какова их специфическая /в пространстве и во времени/ общественно-историческая обусловленность. Причем расшифровка этого "почему", которое является, по сути, объяснением или основанием объяснения², не предполагает сведения непосредственных действий и мотиваций к

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.46, ч.П, с.113.

2 Два первых слоя анализа деятельности людей, по сути, лишь описание /первый/ и усмотрение типа дильтеевского "понимания" /второй/.

дей к некоторым внешним для них причинам /хотя в особых обстоятельствах теоретического исследования такое вполне возможно¹/, но рассчитано на обнаружение сложного переплетения детерминаций, не фиксируемых наблюдением и не обнаруживаемых в рефлексии самих социальных индивидов, но, тем не менее, реально существующих в контексте совокупной деятельности людей, образующей их связь².

Человеческие индивиды в качестве актеров социальной драмы обнаруживают внешний характер своих взаимосвязей, в которых, как правило, не вычитывается образовавший их "подтекст" совокупной деятельности общества. Индивиды, уподобляясь актерам, могут обосновывать установки и цели своих поступков, но тем самым они выражают главным образом то, как детерминация их поведения дана в их желаниях и мотивах, но не то, какова объективная система этой детерминации, каково место, которое их собственный жизненный процесс занимает в системе этой детерминации. Драматическое повествование удовлетворяется описанием и истолкованием деятельности и связи людей, но только косвенным образом может указывать на внутреннюю логику этой деятельности и связей, более того, как раз и использует в своем изложении сокрытость этой внутренней логики. Для теоретического исследования установка на обнаружение этой внутренней логики является важнейшей, ибо только с точки зрения этой логики достигается наиболее конкретное объяснение деятельности, позволяющее проследивать различные уровни детерминации человеческих действий и поступков, понять чувственно фиксируемые действия и сознательно рефлектируемые побуждения в контексте объективных связей и сил, скрытых от наблюдения и рефлексии. Мы пока не останавливаемся на том, что сам уровень анализа деятельности распадается на несколько /причем в разных общественно-исторических обстоятельствах - различных/ уровней описания. Пока важно отметить, что само "поведение" и "социальное

I Сама характеристика соотношения "поведения" и "социального действия" как их совпадения или несовпадения получает достаточное объяснение только на уровне анализа деятельности, трактуемом механизм связи индивидов, не улавливаемый ни в описании поведения, ни в интерпретации устремлений индивидов.

2 См.: Мамардашвили М.К. К вопросу о материалистической схеме анализа сознания. - В кн.: Социальная природа познания. М., 1973, вып. I.

действие" как некоторые очевидности человеческой жизнедеятельности, являются продуктами р а с с л о е н и я предметной деятельности людей, что это расслоение находит себе объяснение и в диахроническом плане - как результат дифференциации деятельности, и в синхроническом плане - через описание сложной расчлененной системы конкретных социальных связей, в которой деятельность людей представлена в специфическом взаимодействии ее обособившихся сторон и свойств.

В процессе формирования марксистского обществензнания принцип предметной деятельности явился важнейшим средством перехода от истолкования человеческих индивидов и их связей как непосредственной предпосылки исследования к формированию научной картины социально-исторического процесса, к построению теоретических моделей, позволяющих фиксировать и представлять различные способы общественной жизни и сосуществования людей. Наличие этого перехода указывает на то, что это средство вместе с тем создает возможность для "живого" конкретно-исторического описания жизни общества.

В настоящее время использование деятельностного подхода естественно предполагает существование развитой научной картины социально-исторического процесса. Однако тенденция развития общественно-исторических представлений делает необходимой постоянную проблематизацию этой картины /переработку схем, из которых "монтируется" эта картина/, требует все новых переходов от описания жизни людей в "форме объекта" к теоретическому воспроизведению ее в "форме деятельности".

4. Направленность исторической реконструкции

При анализе состояния современной исторической науки можно обнаружить два рода разрывов между аспектами и уровнями исследований.

Во-первых, различные аспекты исторической действительности при описании разведены в разные научные дисциплины /антропологию, археологию, этнографию, историю языка и т.д./ с присутствием им специфическими системами понятий и логикой.

Во-вторых, различные уровни исследования: описание, объяснение, реконструкция исторической действительности внутри каждой научной дисциплины оказываются мало согласованными друг с

другом, причем характер и принципы их соответствия или иерархии остаются зачастую непроясненными. Примером этого могут служить попытки использовать теоретические модели общественно-экономической формации непосредственно для истолкования конкретно-эмпирического материала археологии, этнографии, исторической и социальной психологии.

Очевидно, чтобы преодолеть эти препятствия, необходимо руководствоваться в построении исследования исторического объекта прежде всего его собственной логикой /логикой его самодвижения/, а не внешней по отношению к этой логике ситуацией разделения труда между дисциплинами. Кроме того, важно выявить и сохранить в исследовании все главные уровни отображения объекта от операционального до концептуального, все основные этапы от абстрактно-эмпирического до конкретно-теоретического воспроектирования объекта.

Трудность, однако, заключается в том, что отдельная дисциплина вынуждена "со своей стороны" двигаться к обнаружению исходных абстракций, необходимых для определения логики воспроизводимого объекта. А ей, дисциплине, в ее положении определить такого рода абстракции практически невозможно. Остается либо уповать на обобщение эмпирического материала, либо надеяться на интуицию, либо заимствовать какие-то принципы и понятия со стороны. В конечном итоге, все это ведет к использованию более или менее осознанных философско-методологических принципов интерпретации объекта. Поэтому надо сразу подчеркнуть - сознательный выбор философских принципов в значительной степени определяет характер и горизонты исследования, отношение к сущности исследования, отношение к эмпирическому материалу и его содержательную трактовку.

Анализ познавательных возможностей своей науки привел археологов к убеждению в необходимости создания концептуально обоснованной модели реконструкции исторического процесса конкретной общности по остаткам ее предметно-вещного мира. Такая теоретическая модель должна содержать, во-первых, объяснение всех уровней организации вещной предметности, остатки которой фиксируются в процессе исследования через понятия археологического культурного слоя: вещь и ее признаки; группа вещей определенного функционального назначения; состав и взаиморасположение вещей и прослойки в пределах однослойного памятника; архе-

ологический комплекс памятников различного функционального назначения; археологическая культура - сходство остатков предметно-вещного мира комплекса памятников в пределах определенной территории для определенного времени¹. Во-вторых, модель должна содержать основания систематизации археологического материала всех уровней. В-третьих, она должна найти объяснение эмпирических закономерностей, обнаруженных археологическими исследованиями.

Трудность создания подобной модели заключается в том, что археологу необходимо выбрать такие принципы рассмотрения вещей, которые не только вскрывали бы в вещах их социальные свойства, но и позволили бы реконструировать процесс движения человеческих сил и воспроизводства социальных связей, задавший эти социальные свойства вещам, делающий эти вещи предметностью социальной действительности. Точнее говоря, только реконструкция деятельной взаимообусловленности людей делает возможным правильное освещение социально-человеческих свойств вещей и взаимосвязей между ними.

Принцип предметной деятельности создает возможности для перспективной программы реконструкции взаимосвязей людей по вещественным воплощениям их образа жизни. Отметим в самой краткой форме узловые моменты развертывания этой программы.

х х х х

Рассмотрение вещей через призму принципа предметной деятельности означает прежде всего выявление их природы как результата деятельности человека, то есть установление того, как вещи возникли и чем принципиально отличаются от природных тел.

Вещь и ее существенные признаки могут быть поняты только через процесс труда. В своей конкретной чувственной данности труд есть формообразование вещи²: преобразование природных естественных форм материала - в искусственные, социально значимые. Человек изменяет внешнюю форму и состав природных предметов, уничтожая вредные или нейтральные свойства, сохраняя, усиливая, создавая полезные, необходимые для удовлетворения потребностей конкретно-исторического коллектива. И если мерой трудового процесса является рабочее время, то мерой его покоя

¹ Мы намеренно оставили лишь те характеристики археологической культуры, которые фиксируются средствами самой археологии.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23, с.47,59.

сформированная вещь. За внешне данным механизмом формообразования скрывается объективация в форме, составе, свойствах вещи сущностных сил человека: потребностей в предмете определенного функционального назначения, знаний свойств материала и технологии изготовления предмета, способностей, навыков, волевых качеств для реализации образа в действительность.

Понятно, что реализация сущностных сил человека осуществляется не только при формировании отдельной вещи, но и в создании таких целостных и сложных образований как жилище, его интерьер, храм, поселок и т.д. Отсюда следует, что морфологические признаки вещей, их социально значимые пространственные параметры несут большой заряд исторической информации о человеке конкретно-исторической общности, составе его потребностей, объеме и уровне знаний, степени развития способностей и навыков, социальных чувств и художественного вкуса.

Такое понимание социальной природы вещи обуславливает переход к рассмотрению вещей как элементов /предметных средств и условий/ процесса жизни и деятельности, процесса не природного, но социального по своей форме. Другими словами, вещи предстают носителями свойств социального процесса, их характеристики оказываются определителями особых социальных качеств людей и тех социальных форм, в которых люди обособляются и обуславливают жизнь друг друга.

Размеры, общая форма предмета, характер рукоятки и рабочего края орудий, следы их использования выступают не только характеристиками взаимодействий предметов, но и определителями деятельных способностей самих людей как движущей силы процесса преобразовательной деятельности.

Такая трактовка вещей по необходимости требует рассматривать человеческих индивидов как особые воплощения социального процесса, аккумулирующие его деятельные силы и свойства. Люди выступают предметными существами не только потому, что они несут в себе дарованную природой энергию, но прежде всего и главным образом потому, что они реализуют эту жизненную энергию в социальных формах своей деятельности, предметно воспроизводят и преобразуют эти формы. Учет этого в теоретическом сознании диктует формирование такого образа человека, в котором натуралистическое или психологическое истолкования его сил уступает место динамической модели взаимосвязи его способностей, потребнос-

тей, сознания, фиксирующей внутренне присущую ему социальную форму взаимореализации. Говоря о социальном характере этой формы, мы подразумеваем, что уровень, характер, содержание человеческих сил, как и их взаимосвязи, определяются деятельными взаимосвязями людей, в которых они, соответственно, и приобретает почву и средства для своей индивидуализации и самоутверждения. По-видимому, даже наличие разных ориентаций сознания индивидов и степень их развития зависят от общего характера и уровня организации деятельности коллектива. Загонная и индивидуальная охота требует от индивида различных логических /связь причины и следствия/, психических /связь потребности и цели/ и "человеческих" /связь социальной роли и функции/ ориентаций. Важно, что эти различия имеют социальную подоплеку и сами могут рассматриваться как "продукт истории"¹.

Все сказанное приближает нас к выводу о том, что и непосредственно данные² /вещи/ и предполагаемые /люди/ компоненты, из которых историк пытается построить картину жизни человеческой общности, могут в ходе исследования приобрести утраченные ими, казалось бы, качества причастности к социальному процессу. Соответственно, пространственные характеристики бытия людей и вещей обнаруживают способность сообщить нечто о своем бытии во времени. Более того, по мере углубления исследования происходит своего рода оборачивание: если на первых порах кажется несомненным объяснительное значение вещественных следов и пространственных характеристик, то затем возрастает объяснительный вес процессуальных и временных представлений, в свете которых, собственно, и могут обозначиться контуры теоретической картины, рисующей жизнь конкретно-исторической общности. Форма объекта и первоначальная онтология /схема/, построенная из вещей и людей, взятых в "форме объекта", уступает место более "живому" и вместе с тем более теоретически емкому представлению, где социально-историческая действительность интерпретируется в "формах деятельности" общественных индивидов.

х х х х

Пространственная дискретность и расчлененность вещных предметных форм, с которой начинает реконструкцию историк перво-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.23, с.182.

² Эта непосредственность при более глубоком анализе окажется тоже весьма относительной.

бытности вынуждает его не только предполагать деятельностный процесс, превращающий разобщенные вещи в предметные формы социального процесса, но и определять направленность этого процесса, его распределение по сферам жизни человеческой общности.

В первобытнообщинной формации фиксируется относительная пространственно-временная расчлененность жизнедеятельности коллективов. Она определялась самим характером хозяйства и половозрастным разделением труда, по крайней мере, начиная с мустьерской эпохи¹. При присваивающем характере труда значительную часть времени взрослое население /прежде всего охотники/ проводило за пределами основного места обитания всего коллектива. Пространство и время этой деятельности предопределялись атмосферными и биологическими циклами: временем миграций животных и их маршрутами, временем и местом гнездования птиц, нерестом рыбы, появлением плодов и т.д.

Наряду с ведущей формой присваивающего труда, в первобытных коллективах существовал труд созидающий: производство орудий, жилищ, одежды, то есть предметно-вещного мира. Пространственные и временные характеристики этой сферы определялись не природными циклами, а задачами внутренней организации производственного процесса - технологически целесообразным взаиморасположением предметов труда, орудий труда и человека; размер производственной площадки был связан с числом работающих; время деятельности диктовалось производственными и социальными потребностями. По мере развития этой сферы как в форме индивидуального труда /производство орудий/, так и в особенности при совместных усилиях в форме кооперации - складывались трудовые ритмы - социальные способы организации труда. Сколь бы ни была узка сфера созидания в эпоху камня, взаиморасположение вещей определенного функционального назначения отражало становление и развитие особых, имманентных деятельной природе человека социально-пространственных и социально-временных форм его бытия.

Пространственные контуры третьей сферы - жилой среды и ее основной ячейки - жилища определялись задачами ежедневного воспроизводства человека как социально-деятельного существа, задачами производства потомства и его воспитания, приобщения к жизнедеятельности общины. В пространственных формах жилища жизнен-

¹ Любин В.П. Нижний палеолит. - В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970, с. 41.

ный процесс коллектива аккумулировал /и до времени скрыл/ раз-
нообразную информацию об образе жизни человеческой общности. Жи-
лище как социальное пространство ежедневных межличностных свя-
зей посредством предметных форм может представить характеристи-
ки средств общения, строя домашней жизни, семейных отношений,
способов удовлетворения необходимых потребностей. Такая, каза-
лось бы, техническая характеристика жилища как его размеры, ука-
зывает на те минимальные /до 5 м²/ и максимальные /до 100 м² и
более/ площади, которые требовались для воспроизводства семьи
и других социальных ячеек первобытного коллектива. Потребность
коллектива в больших помещениях ставила конструктивные задачи,
а они, в свою очередь, вызывали к жизни новые технологические
решения /например, появление стоечно-балочной системы/¹. В све-
те такого понимания жилища на первый план выдвигаются не отно-
шения человека к природе /и связанные с ним устойчивые потреб-
ности в защите от ветра, влаги, холода, жары/ и не определяе-
мая природными материалами технология, а именно формы организа-
ции деятельности и взаимосвязей первобытного коллектива. Они за-
крепляются в вещественно-пространственных контурах жилища², и
задача исследования - увидеть за этими контурами конкретность
социальных форм движения человеческой жизни.

Природные условия, естественно, влияют на формы жилого
пространства, но это влияние опосредовано деятельностью людей
и выражает себя все равно в особенностях социальной формы /ори-
ентировка жилищ относительно стран света, водоема и направле-
ния господствующих ветров; местоположение выхода и его форма;
толщина стен, форма крыши и т.д./.

Производящие формы хозяйства первоначально складывались в
местах бытования всей общины, в пределах ее жилой среды³. Отсут-
ствие пространственного разделения /тем более противопоставле-
ния/ производственной и непроизводственной сфер деятельности,
по-видимому означало следующее: в бытии первобытного коллектива

1 См.: Циркунов В.Ю. О происхождении зодчества. М., 1965, с. 59-62

2 Этнографы еще в XIX в. установили связь размеров жилища и
его внутренней планировки с формой семьи и строем домашней жив-
ни. - См.: Морган Л.Г. Дома и домашняя жизнь американских ту-
земцев. М., 1934.

3 Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения. - В кн.:
Каменный век на территории СССР. М., 1970, с. 66-67.

производственная деятельность резко не выделяется из процесса воспроизводства общественной жизни коллектива. Понимая производство человека широко, как производство его сил, потребностей, способностей, навыков, привычек и т.д., можно, наверное, говорить о фундаментальной роли производства средств жизнедеятельности первобытного коллектива в производстве людей.

В системе производство-обмен-распределение-потребление пространственно-временное различие сфер снимается /перекрывается/ логикой бытия общности как экономического целого, логикой связи внутри этого целого. Можно ли обнаружить эту логику в предметно-вещном воплощении?

К.Маркс в подготовительных рукописях к "Капиталу" показал, что при одном экономическом базисе - земельной собственности, при одинаковых предметных формах деятельности - земледелии, но в различных природных и исторических условиях возникают различные формы организации экономических единиц¹. Там, где производство и воспроизводство представляют пространственно замкнутый цикл, там ему соответствует определенный предметно-вещный контур - земля с селом /азиатская форма/, город с пашней /античная форма/, жилище с землей /германская/ - пространственно изолированный от других подобных единиц.

Предметно-вещное выражение границ каждой дискретной единицы в германской, азиатской и др., более ранних формах, могло быть таким /межа, затесы на дереве, природные рубежи/, которое не оставляет следов для археологов. Основанием реконструкции границ в таком случае служат, во-первых, остатки жилой среды - поселений как сгустков общественных связей экономического целого, во-вторых, взаиморасположение синхронных поселений, по которому можно предположить площадь присваивающей или производящей деятельности каждой экономической единицы.

х х х х

Характеристика экономической единицы еще не вскрывает всей полноты общественных отношений, ибо она фиксирует преимущественно затраты рабочего времени воспроизводства сил человека. Анализ тех же форм под углом зрения реализации прибавочного времени общинника рисует иные контуры общественных связей и границ - пространственно-временное бытие социального целого. Они могут совпадать с границами экономической единицы /античная

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 463-472.

гими общностями. Значение этих центров для опосредствования социальных связей во многих случаях находит достаточно четкое вещное выражение. Так, место совместной разделки туши мамонта предметно предстает как скелет животного и кремневые орудия близ него¹, место сезонных производственных обрядов - как композиции изображений животных, птиц, человека на скалах² и т.д.

Мы отдаем себе отчет в том, что далеко не во всех местах регуляции социальной целостности оставались вещественные следы /например, при осуществлении межплеменных связей/. Вместе с тем, определение подобных мест и содержательный анализ связанных с ними предметно-вещных остатков, на наш взгляд, открывает перед археологией перспективы в реконструкции конкретных форм общественных отношений.

Предметно-вещная опосредованность традиционного - отправной пункт и для установления пространственных границ конкретно-исторической общности. Действительно, если анализировать вещи только с точки зрения их функции, материала и технологии, то локализация предметов одинаковой формы для определенного общественно-экономического уровня будет скорее всего совпадать с хозяйственно-культурным типом.

Границы социальной целостности, то есть социального пространства, осуществления и воспроизводства всей системы общественных отношений конкретно-исторической общности предметно очерчиваются совокупностью обычаев, обрядов, праздников во всех сферах жизнедеятельности. Это означает, что формообразование предметов и пространственных характеристик производственной и жилой среды происходило еще и соответственно традициям. Именно они накладывали свой отпечаток на детали форм, пропорции, окраску, местоположение декора, то есть на характеристики, не имеющие прямой связи с непосредственной функцией вещи, но - опосредованно - в обычае, обряде - связанные с ней. Они проявлялись также в привычном и присущем только конкретной общности сочетании предметов в каждой сфере, в повторяющемся из поколения в поколение взаиморасположении вещей интерьера жилища относительно очага или выхода, в вещно выраженных чертах погре-

1 Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитический памятник в Шиваевке на правом берегу Тобола. - ВАН, вып. 13. Свердловск, с.83-84.

2 Савватеев Ю.А. Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967, с.136.

Объективно сложившаяся логика традиционных способов регуляции общности, границы ее бытия и целостность на каждом историческом этапе определенным образом осознавались. Мифологические представления, которые мы имеем возможность анализировать, интересны для нас в данном случае двумя чертами.

Во-первых, они являются фрагментами особой картины бытия, пространственно запечатлевающей жизненный процесс общности. Время "свернуто" в формы пространства и в этих формах как бы стерты действительные основания устойчивости образа жизни людей. Поколения меняются, образ жизни неизменен. Устойчивые формы социального процесса приобретают квазиприродный характер. Но в этом подобии скрыты социальные силы, правда, они особым образом деформированы, однако никогда полностью не утрачивают сходства с человеком и природой. Пространство мифа оказывается неким подобием конфигурации пространства общины с ее центром, границами, периферией и тем неизвестным, что существует за пределами практической досягаемости.

Во-вторых, мифологическое сознание представляло одушевленными не только людей и животных, но и саму землю, страны света, предметы природы и вещи, изготовленные человеком, рисунки. Сон отождествлялся с жизненными событиями, миф был повествованием, которое принималось за реальность. Для нас особый интерес представляет восприятие человеком вещи как живого существа, обладающего свойствами-функциями, соответствующими форме этой вещи: "способности той или иной домашней утвари, лука, стрелы, дубины и всякого иного оружия тесно связаны с каждой деталью их формы. Вот почему эти детали неизменно воспроизводятся с величайшей точностью"¹. Речь идет о всех деталях формы предмета, как связанных с функцией, материалом и технологией, так и имеющих смысл только в системе обрядов и обычаев определенной исторической общности. Мифологическое сознание, насыщая социальное пространство и вещи "превращенными" социальными качествами, фетишизирует их. И это естественно, ибо оно имеет дело только с процессом функционирования человеческой деятельности, который

¹ Леви-Брюль А. Первобытное мышление. М., 1930, с. 23. Автор цитирует высказывание Кашинга, жившего среди зуний долгие время и усвоенного ими.

может рассматриваться как "протекающий вне времени". Устойчивость процесса превращается в устойчивость вещественного выражения социальных форм.

Сознание первобытного человека отражало конкретное бытие и одновременно в предметных языково-понятийной и эмоционально-образной формах творило новое - иллюзорное, лишь частично совпадающее с действительностью. Этот мифологический пространственно-временной континуум, в свою очередь, способствовал функционированию, регуляции и воспроизводству социальной целостности и ее единиц, вплетаясь в ткань обычаев, обрядов, праздников, игр. Мифологическое сознание не только санкционировало закрепление определенных форм вещей, оно накладывало отпечаток на эти формы, материализуясь в знаках-символах, орнаменте на предметах производственного и домашнего обихода, одежде, украшениях, в создании специальных обрядовых предметов /ритуальных фигурок людей, животных, масок, жертвенных плит, погребальной посуды и др./, в наскальных композициях, отражая смысл и значение обрядовых ритуалов, присущих только данной конкретной общности.

х х х х

Представленная выше модель функционального среза исторической общности - основание анализа качественной определенности пространственных границ и организации системы. Но она не позволяет раскрыть развитие системы, внутреннюю обусловленность ее изменения во времени, то есть воспроизвести исторический процесс.

Реконструкция исторического процесса может быть осуществлена на различных уровнях. Первый уровень - восстановление повседневного образа жизни индивидов в пределах их постоянных и непосредственных контактов /экономических единиц/. Образ жизни индивидов /коллектива/ может быть реконструирован как реализация их сущностных сил, регулируемая традиционными средствами и протекающая в циклическом следовании. Этот уровень отражает процесс сравнительно узкого временного отрезка - образ жизни поколения, присущий только данному конкретному обществу и представленный преимущественно в простом воспроизводстве.

Второй уровень анализа исторического процесса - фиксация и объяснение исторических событий. Жизнь индивидов, если она достаточно жестко регламентирована, представляет собой цепь событий, фиксируемых обрядами, праздниками. Для экономического

целого событием была смена места жительства в пределах старой территории, возведение нового поселка. Нас интересуют исторические события, изменяющие либо всю жизнедеятельность общества /образ жизни и материально-вещную среду/, либо ее определенные стороны: разделение общности на фратрии, столкновение с другими общностями, смена традиционных связей с соседями, образование союза племен, миграция и т.д. Исторические события, имевшие как внутренние, так и внешние причины, на фоне традиционного специфического образа жизни определяли особую логику исторического процесса конкретно-исторической общности во временных рамках этапа.

Наконец, исторический процесс - это постепенные изменения в различных сферах жизнедеятельности и смена исторических периодов в развитии конкретных общностей. Строго регламентированные формы социализации и регуляции в эпоху первобытнообщинной формации, казалось бы, снимали вопрос о творчестве индивидов. Вместе с тем необходимость и возможность применения жесткого социального регулирования в разных сферах жизнедеятельности была различной. Она была весьма ограниченной в среде взаимодействия с природой, где собиратели, рыболовы, а в особенности охотники на крупных животных сталкивались со множеством непредвиденных ситуаций, требующих напряженного оперирования эмпирическими знаниями, навыками, способностями, а также поиска нестандартных решений. Организация производящей деятельности коллектива и индивида определялась логикой самого труда. Традиционные формы лишь накладывались на эту логику, обозначая ее социальный смысл. Более жесткими они были там, где требовалась кооперация совместных усилий. Именно производство /как присваивающее, так и производящее/ было не только сферой реализации, но и развития сущностных сил индивида. Растущие потребности коллектива вели к освоению новых предметов труда, к новым технологическим открытиям, к появлению новых видов деятельности. Изменение логики труда необходимо ломало старые производственные традиции, что находило свое выражение прежде всего в изменении материала, технологии и форм орудий труда, а затем и других вещных компонентов производственной и жилой среды.

Уровень анализа расширенного производства в экономике выделяет большие временные отрезки - эпохи исторического развития

внутри первобытнообщинной формации на основании развития производительных сил конкретно-исторических систем. Еще в археологии XIX в. было доказано наличие эпох камня, бронзы и железа, а также этапов технологических сдвигов внутри каждой эпохи. Советские археологи в 30-е гг. теоретически объяснили и исторически уточнили смысл этой периодизации с точки зрения формационного подхода. Тот же подход указывает на недостаточность технологической периодизации как показателя общественного прогресса и объясняет факт несовпадения /отсутствия автоматического следования/ во времени технологических и социальных сдвигов в развитии общества.

Смена исторических периодов развития конкретно-исторических общностей /в пределах эпохи/ связана не только с развитием производительных сил /общественным разделением труда, новыми формами хозяйства, новыми средствами труда/, но и с изменениями принципов и форм общественных отношений внутри экономических единиц и между ними в рамках социального целого. Конкретно-историческое выражение такого процесса - изменения в образе жизни. Последние, в свою очередь, предметно представлены сменой традиционных структур и размеров всех единиц социального пространства конкретно-исторической общности /жилищ, поселений и др./, а также изменением традиционных форм вещей.

х х х х

Прошлое в качестве предмета истории может трактоваться как совокупность результатов, достигнутых предшествующей деятельностью людей. Но прошлое можно понимать и более широко: как деятельность людей, взаимодействующую с настоящим, с наличной деятельностью людей через свои результаты. Различие между этими трактовками может оказаться решающим для истолкования всего строя исторической науки, ибо в первом случае ставится задача интерпретации результатов процесса, во втором же случае выявляется задача реконструкции самого процесса человеческой деятельности и трактовки предметных результатов /в том числе и текстов/ в качестве моментов, промежуточных продуктов жизни и деятельности людей, реконструированных в исследовании. Истолкование прошлого как процесса деятельности человеческих индивидов, стимулирует, таким образом, и рассмотрение исторического исследования как процесса, разворачивающего - в качестве своего необходимого момента - собственную теоретическую реконструкцию деятельности человеческих индивидов, собственный теоретический взгляд на особые явления, события, ситуации социальной истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ

§ 1. Разделение труда в исторической науке	5
§ 2. Вернуть людей в историю, вернуть историю людям	13
§ 3. Принцип деятельности в социально-историческом исследовании	19
§ 4. Направленность исторической реконструкции	28

Викторова Валентина Дометьяновна
Кемеров Вячеслав Евгеньевич

Направленность исторической реконструкции
как методологическая проблема

Препринт

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики
и РИСО УНЦ АН СССР

Ответственный за выпуск Крутикова С.Ф.

Подписано в печать 5/У 1985 г.НС 30307 Формат 60x84/16
Бумага типографская Печать офсетная Усл.печ.л. 2,73
Уч.-изд.л. 2,5 Тираж 150 Заказ 888 Цена 25 коп.

Свердловск, ул.Московская,29. Институт экономики.

Цех № 4 п/о "Полиграфист". Свердловск, ул.Тургенева,20.